

Мадлен Сент-Джон

ЧЕРНЫЕ ПЛАТЬЯ

Москва
2024

УДК 82-3
ББК 84(8Авс)6-44
С31

Перевод с английского Марии Виноградовой

Сент-Джон, Мадлен

С31 Черные платья / М. Сент-Джон ; [пер. с англ. М. Виноградова]. — М. : Эвербук/Дом историй, 2024. — 288 с. — (Дача: романы для души).

ISBN 978-5-0058-0400-6

Черное платье — символ большого универмага «Гудс» в Сиднее, где продаются наряды на любой вкус, а у каждой сотрудницы в форменном платье — своя история.

Умная и скромная Лиза устраивается в «Гудс» в ожидании оценок за выпускные экзамены и втайне надеется, что отец разрешит ей поступить в университет. Гламурная Магда, эмигрантка из Словении, грезит об открытии собственного бутика. Тихая Пэтти мечтает о ребенке, а милая, но невезучая Фэй — о хорошем муже.

Этот остроумный и теплый роман рассказывает о городе, стоящем на пороге перемен, и о настоящей женской дружбе.

**УДК 82-3
ББК 84(8Авс)6-44**

© Madeleine St. John, 1993
This edition published
by arrangement with The Text
Publishing Company and Synopsis
Literary Agency.

© Виноградова М., перевод
на русский язык, 2024

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Эвербук»,
Издательство «Дом историй», 2024

ISBN 978-5-0058-0400-6

*Книга посвящена памяти
месье и мадам Дж. М. Каргер*

1

Под конец жаркого ноябрьского дня, перед уходом с работы, мисс Бейнс и миссис Уильямс из отдела женского платья «Гудса» жаловались друг другу, вылезая из черных форменных платьев.

— Мистер Райдер-то еще ничего, — заметила мисс Бейнс касательно дежурного администратора, — мисс Картрайт — вот кто заноза в пятке, простите мой французский.

Мисс Картрайт была в их отделе заведующей и минутки спокойной им не давала.

Миссис Уильямс пожала плечами и припудрила нос.

— В это время года она всегда свирепеет. Из кожи вон лезет, чтобы мы свою рождественскую премию честно отработали.

— Да будто у нас есть выбор! — возмутилась мисс Бейнс. — С ног сбиваемся!

Чистая правда: до великого праздника оставалось всего шесть недель, толпы покупателей накатывали подобно приливу, платья

разлетались с вешалок все быстрее, и, когда тем вечером миссис Уильямс стирала в раковине нижнее белье, на нее вдруг накатило ощущение, что и жизнь ее утекает вместе с булькающей в сливе мыльной водой; но она взяла себя в руки и продолжила хлопотать по хозяйству, пока вокруг пульсировала жаркая летняя антиподная ночь.

Миссис Уильямс, Патти, и мисс Бейнс, Фэй, а также мисс Джейкобс работали в отделе дамских коктейльных платьев, расположенном по соседству с отделом дамских вечерних платьев в дальнем конце второго этажа универмага «Гудс» в самом центре Сиднея. Ф. Дж. Гуд, предприимчивый уроженец Манчестера, открыл свой первый универсальный магазин («Костюмы для дам и джентльменов — самые свежие лондонские новинки!») в конце прошлого века и не пожалел об этом, поскольку жители колоний, как он и предвидел, не скупились на траты, лишь бы убедить себя, что не отстают от моды. Теперь его внуки были основными акционерами концерна с годовым оборотом в несколько миллионов австралийских фунтов, торгующего одеждой «по последней лондонской моде», да и по любой другой, лишь бы продавалась. Сейчас, например, в гору шла итальянская. «Купила в „Гудсе“», — гласила подпись под изобра-

жением высокомерной дамы, красующейся в чудовищно модном платье под завистливо-горестным взглядом подруги. Платья и позы дамы с годами менялись, но само объявление неизменно занимало нижний левый угол женской страницы «Геральда». Сдается мне, что это место было забронировано навечно; подпись давным-давно уже стала городской при сказкой. «Гудс» служил моде самоотверженно, благодаря чему стабильно опережал конкурентов. Подающие надежды сотрудники проходили специальное обучение за границей, в лучших магазинах Лондона и Нью-Йорка. Дважды в год, когда в универмаг поступали модели к новому сезону, персонал работал сверхурочно, навешивая на одежду ценники, обновляя витрины и удивленно восклицая.

— Ну и пусть в розницу выходит девять фунтов семнадцать шиллингов и шесть пенсов, — сказала однажды мисс Картрайт. — Помните мое слово, эту модель расхватают за две недели.

И они ее слово исправно запомнили.

2

Миссис Уильямс была миниатюрной и худенькой — вся блеклая, как солома, с вечно изнуренным лицом и суховатой перманентной завивкой. Муж ее, Фрэнк, само собой, был мерзавцем. Когда он женился на ней, ей исполнилось всего двадцать один, а ему — пышущие здоровьем двадцать шесть, и почему они до сих пор не произвели на свет ни единого потомка, оставалось только гадать. После этого радостного события прошло уже десять лет, а миссис Уильямс все так же продолжала работать, хотя дом был уже полностью обставлен, строго говоря, обставлен под завязку, и они не испытывали особой нужды в деньгах, которые она откладывала в банк Нового Южного Уэльса, не зная, что с ними еще делать, ведь на хозяйство ей по-прежнему выдавал Фрэнк и она считала делом чести тратить все до последнего пенни и, хотя многие на ее месте довольствовались бы фаршем или сосисками, покупала горы говяжьей вырезки, поскольку Фрэнк лю-

бил бифштексы. Она возвращалась из «Гудса» (они жили в маленьком домике в Рэндвике) около шести часов и вынимала бифштекс из холодильника. Готовила овощи и накрывала на стол. Фрэнк объявлялся без чего-нибудь семь, в легком подпитии. «Хей-хо!» — кричал он по пути в ванную. Там он энергично умывался, и к тому времени, как вваливался в кухню, она же столовая, бифштекс уже скворчал.

— Что на ужин, Патти? — спрашивал он.

— Бифштекс, — отвечала она.

— Опять бифштекс! — говорил он.

Всякий раз, когда она готовила что-нибудь другое, даже бараньи отбивные («Да тут мяса вообще нет», — заявил он, помахивая перед собой косточкой), он оставался недоволен. Миссис Уильямс ничего не имела против; сама она потеряла аппетит много лет назад. По выходным она навещала мать или какую-нибудь из сестер; Фрэнк отвозил ее, а потом забирал, а сам, пока она «язык чесала», играл в гольф на общественном поле в Кингсфорде или пьянствовал где-нибудь в пабе. Он был совершенно стандартным мерзавцем — не злой, не жестокий, просто бесчувственный и косноязычный.

Надо сказать, Патти консультировалась по поводу своей бездетности с доктором, и тот заверил, что по ее части все в полном порядке.

— Разумеется, — сказал врач, — без вашего мужа мы этот вопрос прояснить должны об-

разом не в состоянии. Возможно, даже скорее всего, причина как раз в нем. Кто знает, может, он вообще стерилен.

— Ох ты, — убито проговорила Патти. — Не думаю, что он на такое пойдет.

Она и затронуть с ним эту тему не могла.

— Как часто у вас с ним бывают супружеские сношения? — спросил врач.

— Ну, — сказала Патти, — не так чтобы очень часто. Он устает.

Собственно говоря, проявления внимания Фрэнка выпадали на ее долю крайне редко. Врач посмотрел на свою пациентку не без уныния. Скверное дело. Вот перед ним стоит женщина, давно достигшая детородного возраста, а нянчить ей некого: абсолютно противоестественное положение вещей. К тому же былую прелесть она утратила, а значит, вряд ли сумеет привлечь другого мужчину, способного свершить чаемое, и, если ее муж так и окажется не на высоте, жизнь ее пройдет впустую. Скверное, скверное дело.

— Что ж, — промолвил он, — вы продолжайте прилагать усилия. Зачатие в любом случае штука непростая. Постарайтесь максимально увеличить шансы, у вас еще уйма времени.

Тогда ей было тридцать, и, когда она выходила из кабинета, врач, празднично поглядывающий на нее сзади, подумал, что с новой прической, капелькой макияжа и в черной ночной сорочке

она смотрелась бы еще вполне ничего, но муж, мерзавец, верно, все равно внимания не обратил бы; и в этом допущении врач, надо полагать, не ошибся. Фрэнк работал в отделе продаж большой компании по производству черепицы, разноцветные образцы продукции которой одно время были так заманчиво выставлены вдоль Парраматта-роуд; каждый вечер после работы он выпивал с приятелями в пабе близ Рейлвэй-сквер, а потом шел домой к Патти и своему полуфунтовому бифштексу. Покончив с бифштексом и посмотрев, как Патти моет посуду под включенный телевизор, совсем недавно вошедший в обиход австралийских семей, он тяжело плелся в постель: «Сосну, пожалуй», и Патти — «Конечно, милый!» — торопливо за ним следовала. Она лежала рядом с ним в синей нейлоновой ночнушке и очень скоро слышала раскаты могучего храпа.

Пустая детская, благоразумно выкрашенная в цыплячий желтый, напрасно ждала своего маленького обитателя, а Патти, впавшая в тоскливую и одуряющую безысходность, продолжала работать в «Гудсе», как и все предыдущие годы, пока не будет ребеночка на подходе.

— Не понимаю. Просто не понимаю, — сказала ее матушка, миссис Краун, но не самой Патти, а другой дочери, Джой.

— По-моему, Фрэнку не больно хочется, — мрачно отозвалась Джой.

— Ох, да ну что ты. Такой славный пригожий парень.

— Внешность еще не главное, — заметила Джой.

— Не понимаю, просто не понимаю, — повторила миссис Краун.

— Не бери в голову, — сказала Джой.

Джой, хоть и младше Патти, уже обзавелась двумя (Патти была средней сестрой). У старшей, Дон, детей было трое. С размножением в семействе Краунов явно никаких проблем не наблюдалось. Джой считала, Патти вообще не следовало выходить за Фрэнка. Но пока суд да дело, если Джой хотелось чего-то особенного, например платье для вечеринок, Патти покупала ей в «Гудсе» со скидкой для сотрудников, притворяясь, будто берет для себя, хотя, если присмотреться, становилось совершенно очевидно, что это не так, поскольку брала она размер SW, а сама носила SSW*. Но никто никогда не присматривался.

* До 1967 года в Австралии была в ходу так называемая альфа-система размеров (теперь ее называют винтажной). XSSW — Extra Small Slim Woman — экстрамаленькая стройная женщина, SSW — Small Slim Woman — маленькая стройная женщина, SW — Small Woman — маленькая женщина, W — Woman — просто женщина, XW — Extra Woman — крупная женщина, и самый большой OS — Out Sized — сверхразмерный. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*